

Г.А. Петаченко. Быт советского студенчества на страницах молодежных изданий 1920-х – начала 1930-х гг./ Петаченко Г.А. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.75–79.

Г. А. ПЕТАЧЕНКО

БЫТ СОВЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА НА СТРАНИЦАХ МОЛОДЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ 1920-х — НАЧАЛА 1930-х гг.

В 1920-е гг. XX в. закладывался фундамент построения нового советского общества, в котором одной из наиболее активных страт априори должна была стать студенческая молодежь. Необходимость в кратчайшие сроки восстановить народное хозяйство страны вызывала потребность в увеличении количества специалистов, но с условием их полной лояльности к новому политическому режиму. Именно пролетарское студенчество прежде всего в том состоянии высшей школы воспринималось советской властью в качестве своей опоры. Студенческая молодежь должна была принимать активное участие в преобразованиях, проводимых государственными органами в вузах.

Поэтому власть обязана была обеспечить бытовые условия и материальное положение формирующегося советского студенчества. А отслеживание ситуации было одной из основных тем молодежных изданий на протяжении 1920—1930-х гг. Само же количество студентов после Октябрьской революции в советской России резко увеличилось. Если в 1914 г. в государственных и частных учебных заведениях империи обучалось около 90 тыс. студентов, то в 1918/19 уч. г. в советских российских вузах их было 110 тыс., в 1919/20 уч. г. — 170 тыс., в 1920/21 уч. г. — 200 тыс. [1, с. 113]. К началу же 1930-х гг. — и вовсе 358 тыс. студентов [2, с. 28]. Увеличению количества студентов в вузах способствовал декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения», декларирующий преимущественное право рабочих и беднейших крестьян на высшее образование. Были отменены образовательный ценз при приеме и прежняя система дипломов. В связи с военным положением осенью 1918 г. прием студентов был неограничен во времени [3, с. 56].

Несмотря на то что рост числа студентов происходил за счет увеличения числа вузов, все же они оказывались переполненными. Например, если в Петроградском университете в 1914 г. было 8 тыс. студентов, то в 1924 г. — уже 11,5 тыс. Схожая картина наблюдалась и в других университетах и институтах: в Томском университете в 1914 г. — 1,5 тыс., а в 1924 г. — почти 2,2 тыс., в МВТУ — 2,4 тыс. и 3,5 тыс., в Московском институте путей сообщения — 0,55 тыс. и 1,4 тыс. соответственно [4, с. 113]. Резкое увеличение количества студентов серьезно обострило жилищную проблему и вопросы материального обеспечения. Много лиц, командированных на учебу из провинции, а также неспособность вузов Москвы и Петрограда принять всех желающих заставило ЦК РКП(б) запретить обкомам направлять в Москву на учебу партийцев. Командирование осуществлялось только с разрешения отдела агитпропаганда ЦК РКП(б), а ходатайство должно было быть подробно мотивировано [5, л. 126].

Даже к началу 1930-х гг. жилищный вопрос оставался крайне сложным. Например, в 1929/30 уч. г. вузы Москвы приняли 6 тыс. студентов, 75 % из которых нуждались в жил-

Петаченко Григорий Алексеевич — преподаватель кафедры истории России Белорусского государственного университета

площади. Однако только 2 тыс. студентов могли быть размещены в общежитиях. В связи с этим Московский отдел народного образования (МОНО) решил принимать в московские техникумы граждан, проживавших в Москве и Московской области, а освободившиеся места в общежитиях передать студентам вузов. Кроме этого, уже с середины 1920-х гг. МОНО практиковал устройство общежитий для студентов на своих подмосковных дачах. Также для размещения студентов использовались подвалы, чердаки, пустые фабричные корпуса и т. д. [6, с. 20]. Не лучше ситуация была и в провинции: например, в Саратовском университете на 670 принятых студентов предоставлялось только 40 свободных мест в общежитии [7, с. 31].

Однако студенту не только сложно было получить место для проживания. «Счастливицам» сложно было приспособиться к условиям, которыми располагали вузовские общежития. Их описывает периодическая печать. Так, в статье, посвященной изучению бытовых условий в Самарском сельскохозяйственном институте, указывалось, что 80 % студентов не имели отдельной комнаты, а 82 % из проживавших не располагали даже простыми удобствами (мебель, постель). Лишь 15 % проживавших были обеспечены одеждой и обувью, 50 % жили почти при полном отсутствии каких-либо гигиенических условий [8, с. 78].

Жилищные условия студенчества Москвы и Ленинграда также были далеки от элементарно приемлемых. Ряд интересных фактов приводится в статье о Ленинградском кораблестроительном институте. Этот институт был организован на базе кораблестроительного факультета Ленинградского политехнического института и подлежал выселению с территории Политехнического института. В связи с этим Союзверфь пообещала предоставить своему втузу помещение для аудиторий и общежития. Несколько раз администрация втуза находила необходимое помещение, но всякий раз чиновники этой организации отказывались выделять необходимые средства. Наконец, Союзверфь сообщила институту, что ему предоставляется четвертый этаж здания ФЗУ Балтзавода. Администрация втуза поехала принимать помещение, но оказалось, что здание имеет всего три этажа, а четвертый только в перспективе будет надстраиваться [9, с. 21]. И подобные «игры» первых советских чиновников были не редкостью. В публикации, повествующей о только что построенном общежитии одного из московских институтов, находим: «...штукатурка облупилась, в комнатах густой запах сырости, новые полы необходимо перестилать, из 48 комнат, по заключению врача, непригодными для жилья являются 28. Нет ни уборных, ни умывальников» [7, с. 32].

Другой автор рассказывает о ситуации в общежитии ВХУТЕИН: «...в комнатах нас помещается человек по 15, хотя должно быть в два раза меньше. Первое время не хватало на всех коек и матрацев, спали на полу, простужались. Ночью жизнь в комнатах продолжают наши нелегальные жильцы — крысы. Пищат, лазают всюду, грызут, портят вещи, одним словом хозяйничают на все лады, как будто знают, что изживать их вовсе не собираются» [10, с. 28].

Положение необходимо было исправлять. С августа 1928 г. начали отпускатся средства на ремонт старых и строительство новых общежитий. Так, СНК РСФСР выделил 443 тыс. руб. на ремонт старых общежитий и 50 тыс. — для обеспечения жильем студентов только нового приема [7, с. 32]. И все же средств, выделяемых из бюджета, было недостаточно.

Одной из мер правительства стала организация коммун. Однако сразу возникли сложности: членские взносы и выплаты вначале не регулировались и взимались бесконтрольно, что приводило к отказу студентов их уплачивать. Один из студентов Томского рабфака заявил: «У меня нет пальто, а они грабят, заем индустриализации выпускают и навязывают его всякому» [11, с. 21]. Подобные возмущения жестко пресекались — «несознательность» приравнивалась к оппортунизму и антисоветской пропаганде. Для снижения социальной напряженности Центральное Бюро студенчества установило четкую шкалу взимания членских взносов: 8—10 % от заработка студента и членов его семьи с расчетом по прогрессивной шкале [12, с. 28]. Но и это вызывало недовольство и сокрытие доходов: «Зачем мне работать на других, ведь плата увеличится и мне ничего не останется» [13, с. 23].

В сущности, коммуна не могла решить проблемы студенческого быта. Вот один из примеров: «Коммуна на проспекте Добролюбова отличается не только антисанитарными условиями, но и отношением между коммунарами отчетливо воскрешает отвратительный мещанский быт дореволюционных "меблирашек". Грязь повсюду на лестницах, в коридорах, в уборных, больше всего на кухне, где работа производится без спецодежды, где посуда вытирается грязными тряпками» [14, с. 23]. Были и примеры показательно-образцовых коммун, где все приближалось к идеалу. Однако общая культура первых поколений советского студенчества не позволяла наладить сносные условия их проживания и науки.

Нельзя обойти в контексте данных примеров и рассуждений вопрос о финансово-материальном положении студенчества. Основным источником дохода для студента являлась стипендия. Она должна была гарантировать студенту определенный материальный достаток. В первые годы советской власти в условиях острого финансового кризиса стипендии зачастую заменяли продпайком. Однако им обеспечивались далеко не все студенты, имевшие «пролетарское» происхождение. Иным же, «непролетарским» студентам, пайки и стипендии и вовсе не полагались. Более того, они были обязаны платить за обучение.

Ситуация начала меняться к середине 1920-х гг., когда уже около 75 % пролетарского студенчества по стране имело стипендии. Но их размер был недостаточным для покрытия даже минимума расходов. Средняя стипендия равнялась 20 руб. для столиц и рабочих центров и 15 руб. — для провинции. По расчетам журнала «Красное студенчество», московскому студенту для самого скромного существования было необходимо около 40 руб. (на 1925 г.) [15, с. 38]. Из опросов выяснилось, что процент живших только на стипендию незначителен. Большинство имело дополнительные источники финансирования: помощь родственников, случайные заработки [16, с. 24]. Существовал интересный способ получения дополнительного заработка. Студенты заключали письменные договоры с «нэпманом», по условиям которого он ежемесячно выплачивал, до окончания

вуза, студенту 25 руб. По окончании вуза студент обязывался выплачивать всю сумму в двойном размере и плюс 8 % годовых [8, с. 79].

Кроме государственных стипендий существовали и хозяйственные. Чтобы получать стипендию от какого-либо хозоргана, необходимо было явиться к его руководителям или, что практиковалось гораздо чаще, обратиться к ним через общих знакомых с просьбой предоставить стипендию, обещая после окончания вуза пойти в данную организацию работать. Размер стипендии устанавливался по соглашению сторон, подписывался договор. На деле его условия не выполнялись: предприятие могло лишиться студента стипендии, а студент мог заключить подобный договор с другим предприятием, предлагавшим ему лучшие условия.

Обратим внимание также на повседневную жизнь студенчества, как то: на их распорядок дня, отдых и развлечения, интимные взаимоотношения, психологическое состояние. Согласно опросам и исследованиям различных организаций, к середине 1920-х гг. бюджет времени выглядел следующим образом: на учебу студент тратил 45 %, на общественную работу — 5,5 %, на самообслуживание — 14 %, на сон, отдых и развлечения — 35,5 % [17, с. 44].

Интерес вызывает время, которое студент отводил на отдых и развлечения. Где и как он проводил свое свободное время? Театры, кино, концерты, выставки, как свидетельствовали соцопросы, посещало около 18 — 20 % студентов [18, с. 69]. И это с учетом того, что приобретение культурным ценностям требовало определенной материальной обеспеченности, а лишних денег у студентов не было. Досуг организовывали различными способами: устраивали вечера, создавали кружки по интересам и т. д. Однако и здесь не все было так просто. Студенческие вечера иногда представляли собой причудливую смесь «пролетарской» и «буржуазной» культур. Например, журнал «Красное студенчество» так описывает вечер в городе Тула. За несколько дней до мероприятия на улицах города были вывешены афиши: «Госдрамтеатр. 5-го января грандиозный вечер пролетарского студенчества. Концерт-бал. Танцы до утра». Молодежь не осталась равнодушной, и ее ожидания в полной мере оправдались: «Первым

номером был балет, голая женщина сделала несколько колен и скрылась, после этого появилась фигура, напоминающая бездарного клоуна, потом пели песни, потом балет. Вслед за этим начался американский аукцион, акционировались шоколад, конфеты и коньяк. После этого начались танцы, делающие эскимосскую кровь цыганской» [8, с. 60]. Не менее характерен пример вечеринки в ветеринарном институте: «Группа мещански настроенной молодежи "разлагается". Танцульки с полуобнаженными женщинами, пьянки, разврат. Студентка первого курса Попова, оснащенная, как дикарка, браслетом, серьгами и брошкой. Студенты целуют ей ручки, ухаживают по всем правилам буржуазного этикета» [12, с. 29].

Сложно разрешимой в студенческой жизни была проблема алкоголизма. Например, как писалось в «Красном студенчестве», студент Московского пединститута комсомолец Шумкин три месяца учебы систематически пьянствовал, но все ему сходило с рук. Студент же Никифоров, который последовал его примеру, тут же был подобран на улице милицией. Причины, вызывавших у студентов тягу к спиртному, можно назвать множество. Наиболее серьезной для большинства студентов была материальная необеспеченность и от этого ощущение безысходности. Для исправления ситуации создавались суды общественности, но нередко они лишь усугубляли эту безысходность. Так, студент владимирского рабфака, не дождавшись общественного суда, повесился. Оценка трагедии в периодической печати была крайне жесткой: «Этот факт не так страшен. Безвольные люди не могут рассчитываться за собственные поступки. Сил не хватает. Но дело идет дальше» [19, с. 28].

Не оставалась без общественного внимания и сексуальная жизнь студентов. Примечательно название статьи, которую прислал в редакцию журнала «Красное студенчество» студент провинциального сельскохозяйственного института: «Половой вопрос у студенчества в связи с переходом на новые методы преподавания в вузах». Статья была написана с пафосом и пропагандировала воздержание. Но жизнь диктовала свои правила поведения в интимной сфере. По данным анонимного анкетирования, из 126 студентов Самарского сельскохозяйственного института воздерживаются от половых отношений 82 чел. Досужие социологи докапывались даже до причин воздержания: а) неимение объекта — 32 чел.; б) неимение потребностей — 19 чел.; в) боязнь заболевания — 12 чел.; г) боязнь обязательств — 4 чел. Некоторые создавали семьи или же прибегали к услугам проституток [8, с. 79].

Разумеется, на отдельных примерах сложно воспринять общее положение дел. Однако подобных примеров, которыми наполнены и официальные документы, и страницы советской прессы, множество. А это и дает возможность для обобщений. Хотя выяснить психологическое состояние студенчества в 1920-х — начале 1930-х гг. является сложной задачей, так как источниковая база по этому вопросу все же недостаточна. Тем не менее, основываясь на данных комиссии по изучению быта студенчества,

можно назвать господствующие настроение студентов. Из заключения комиссии следовало, что оно у большинства студентов являлось переменчивым — 45 %, ровным — 16 %, спокойным — 13 %, угнетенным — 10 %, пассивным — 7 %, переживающих подъем — 7 %. Был также подвергнут анализу характер поведения студентов: веселое — 20 %, общительное — 42 %, молчаливое — 20 %, угрюмое — 18 %. Но только 7 % студентов выразило свое недовольство условиями жизни, хотя 20 % из них пытались покончить с собой [18, с. 70]. И не только по причине пьянства.

Отношение к попыткам самоубийства в периодической печати было двояким. Во-первых, авторы некоторых публикаций (достаточно редко) стремились разобраться в обстоятельствах, ведших к попытке самоубийства. Например, «студент Павлов мобилизован на ликвидацию прорыва. В коммуне остались больная жена и двое ребятишек. После отъезда Павлова, сначала один, затем другой, заболели ребята. В комнате, нетопленной четыре дня, под плач больных детей мучилась в припадке аппендицита Павлова. Никто из соседок не пришел ей на помощь. Револьвер дал осечку. Самоубийство не удалось. Павлова осталась жива. И это в коммуне, где сорок квартир и где проживают сорок семейств» [13, с. 23]. Автор

4

статьи пытается донести до читателя всю сложность проблемы и не высказывает никаких обвинений в адрес человека, совершившего попытку суицида, даже защищает его.

Второй подход как бы отражал жестокость времени революционных переустройств, в том числе и человеческих взаимоотношений: «когда суровая действительность нарушает мелкобуржуазную идиллию белоручек, они трусливо убегают с общего поля борьбы, прибегая к самоубийству <...> Хныкающие и пессимисты — живые мертвецы, кандидаты в самоубийцы — враги социализма» [20, с. 25].

Таким образом, изучение основных аспектов жизни студенческой молодежи показывает, что в 1920-е — начале 1930-х гг. у подавляющей части студенчества отсутствовали нормальные бытовые условия для организации быта и учебы. Такое положение дел явилось причиной возникновения серьезных межличностных и внутриличностных конфликтов. Хотя студенчество стремилось улучшить свой быт (организацией коммун, коллективного отдыха и т. д.), но эти попытки не могли кардинально изменить общее положение. Финансово-экономическая помощь со стороны советского государства никак не могла удовлетворить запросы стремительно растущего пролетарского студенчества, его возрастающие культурные и бытовые потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красная молодежь. 1924. № 1.
2. Красное студенчество. 1928. № 28.
3. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919.
4. Красное студенчество. 1924. № 1.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 60.
6. Красное студенчество. 1929. № 1.
7. Красное студенчество. 1928. № 1.
8. Красное студенчество. 1925. № 5.
9. Красное студенчество. 1931. № 12.
10. Красное студенчество. 1929. № 25.
11. Красное студенчество. 1929. № 8.
12. Красное студенчество. 1930. № 27.
13. Красное студенчество. 1931. № 19.
14. Красное студенчество. 1930. № 15.
15. Красное студенчество. 1925. № 6—7.
16. Красный студент. 1925. № 1.
17. Красное студенчество. 1925. № 6—7.
18. Студент пролетарий. 1924. № 6—7.
19. Красное студенчество. 1931. № 16.
20. Красное студенчество. 1931. № 6.

SUMMARY

Article is devoted studying of a daily life of students of the Soviet Russia in 1920 — the beginning 1930th the Special attention is given to a financial position and living conditions of students. Influence of these factors on behavior and a psychological condition of students is analyzed.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2009 г

4